

Выражения признательности

Такие люди, как я, озабоченные изображением средствами литературы примет неведомой страны под названием «будущее», в которую всех нас, хотим мы того или нет, однажды депортируют, не высасывают свои истории из пальца. Мы — и я в особенности — часто бываем в долгу перед теми, кто анализирует безграничные возможности завтрашнего дня с какой-нибудь практической целью, например, со слабой, но достойной восхищения надеждой на то, что наши дети получают от нас в наследство мир, куда более подвластный воображению и предвидению, чем наш собственный.

Сценарий (как сейчас модно говорить) романа «На волне шока» во многом продолжает линию побуждающего к серьезным размышлениям исследования Элвина Тоффлера «Шок будущего», и потому я перед ним в большом долгу.

Д.К.Х.Б.

КНИГА 1

(М)УЧЕНИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Сентенция дня

Отхватите у них палец, и они дадут вам по рукам.

Режим извлечения данных

Мужчина в стальном кресле был так же гол, как белые стены вокруг него. Волосы повсюду тщательно сбриты, не тронули одни ресницы. Крохотные кусочки пластыря удерживали десятки датчиков на макушке, висках, у краешков рта, на горле, на каждом нервном узле до самых щиколоток.

Тонкие, как нити паутины, проводки тянулись от датчиков к единственному предмету, если не считать одного стального и двух мягких кресел, составлявших обстановку помещения. Этим предметом была консоль анализа данных два метра в ширину и полтора метра в высоту. На наклонном пульте управления, за которым было удобно работать из придвинутого мягкого кресла, расположилась куча дисплеев и сигнальных ламп.

К регулируемым штангам, торчащим из задней стенки консоли, были прикреплены микрофоны и тривизионная камера.

Кроме бритого наголо мужчины в комнате находились еще три человека: молодая женщина в обтягивающем белом комбинезоне, следившая за работой датчиков, худощавый чернокожий мужчина в модном бордовом камзоле, на груди — бирка с фотографией и именем Пол Т. Фри-

мен*, и кряжистый белый мужчина лет пятидесяти, одетый в синий костюм. Такая же бирка сообщала, что его зовут Ральф К. Хартц.

После продолжительного созерцания человека в кресле Хартц сказал:

— Значит, это и есть тот ловчила, что проник дальше всех, быстрее всех и на больший срок, чем кто-либо до него?

— Профессиональный путь Хафлингера действительно впечатляет, — кивнул Фримен. — Вы читали его досье?

— Естественно. Поэтому и приехал. Мной, возможно, движут несовременные мотивы, однако я хотел своими глазами увидеть человека, создавшего поразительное количество разных личностей. Проще спросить, за кого он себя не выдавал. Был дизайнером утопических коммун, консультантом по образу жизни, азартным игроком в «Дельфи», советником по компьютерному саботажу, системным рационализатором и бог знает кем еще.

— Священником, кстати, тоже, — напомнил Фримен. — Сегодня мы подробнее займемся этой ролью. Меня удивляет, однако, не количество разных профессий, а непохожесть различных версий собственного «я».

— Того, что он будет пытаться замести следы самым неожиданным образом, следовало ожидать.

— Вы меня не так поняли. То, что он долго скрывался от нас, подразумевает умение избегать реакций, вызывающих эмоциональный перегруз, или контролировать их с помощью какого-нибудь обычного коммерческого нейролептика, каким вы или я смягчаем шок от переезда в новое жилище, причем относительно малыми дозами.

— Гм... — Хартц задумался. — Вы правы. Это просто удивительно. Вы готовы начать сеанс? Я не могу долго оставаться в Пареломе.

Девушка, затянута в белый пластик, не поднимая головы, сказала:

---

* Freeman также имеет значение «вольнотпущенный раб» (здесь и далее прим. пер.).

— Да, сэр, он готов.

Ассистентка направилась к двери. Следуя приглашающему жесту Фримена, Хартц опустился в кресло и с сомнением произнес:

— Разве ему не требуется сделать какой-нибудь укол? Он выглядит снулым.

Устроившись поудобнее в кресле, Фримен ответил:

— Медикаменты тут ни при чем. Эффект производят токи, подводимые к двигательным центрам. Мы в этом специалисты, как вы знаете. Достаточно повернуть вон тот выключатель, и субъект придет в сознание, но свободы передвижения, естественно, не получит. Импульса хватит лишь для обстоятельного ответа на вопросы. Кстати, прежде чем его будить, я объясню, что мы будем делать. Вчера я сделал перерыв, нащупав невероятно сильно заряженный образ, поэтому сейчас хочу выполнить регрессию к нужной дате и введу те же данные — посмотрим, что получится.

— Какой образ?

— Девочки лет десяти, сломя голову бегущей в крошечной темноте.

В целях идентификации

На данный момент меня зовут Артур Эдвард Лазарь, я профессиональный служитель культа сорока шести лет, давший обет безбрачия, основатель и владелец Церкви бесконечного прозрения в перепрофилированном (с чего же еще начинать новой церкви, как не с успешного перепрофилирования чужих верований?) открытом кинотеатре для автомобилистов близ Толедо, штат Огайо. Кинотеатр простоял несколько лет бесхозным — не потому, что люди перестали смотреть кино: фильмы еще выпускают, и желающих посмотреть широкоформатное порно вроде того, из-за которого пиратские трехмерные спутники быстренько обнучивают на орбите, хватает, — но потому, что бывший кинотеатр оказался на ничейной полосе, на которую точили зубы протестантское племя «Царства Билла» и католики-граалисты. Однако и те, и другие обычно не трогали церкви,

а территория ближайшего мусульманского племени — «младенцев джихада» — находилась в десяти милях на западе.

Последние шесть лет я пользуюсь кодом с маркером 4GN.

Памятка для своих «я»: надо выяснить, не произошли ли какие-нибудь изменения в статусе 4GN и, главное, не ввели ли чего получше. Такая задачка заслуживает серьезных усилий.

*Магер-шелал-хаш-баз**

Девочка бежала, ослепленная горем, под небесами, усеянными тысячами ложных звезд, что двигались быстрее минутной стрелки. Ночной июньский воздух царапал горло пылью, каждая мышца ног, живота и даже рук болела, но она продолжала бег с максимальной быстротой, на какую была способна. Стояла такая духота, что выбегавшие из глаз слезы тут же высыхали.

Иногда попадались участки относительно ровной дороги — много лет не знавшей ремонта, но еще сносной; иногда приходилось бежать по местности, где, вероятно, раньше стояли заводы, теперь перенесенные владельцами на орбиту, или дома, разоренные племенами во время какого-нибудь давно позабытого бунта.

Впереди сквозь темноту проступали огни и освещенные рекламные щиты на обочине автострады. Три щита рекламировали церковь, предлагая бесплатные дельфийские консультации для зарегистрированной паствы.

Дико озираясь вокруг, часто моргая, чтобы лучше видеть, девочка заметила уродливый разноцветный купол, похожий на абажур, сделанный из рыбы футу, надутой до размеров кита.

Следя за ней с надежного расстояния по сигналам электронной метки, спрятанной в бумажном платице,

---

* *Магер-шелал-хаш-баз* (спешит грабеж, торопится добыча) (Ис. 8:1, 3) — предостережение, которое пророк Исаия написал на свитке, и имя, которое он позже дал своему сыну как знамение грядущих бед.

единственной одежде девочки помимо сандалий, человек в электрокаре подавил зевок и мысленно пожелал, чтобы его задание в этот воскресный вечер не отняло слишком много времени и не оказалось слишком скучным.

Невеликий п(р)орок во чреве кита

Его преподобие Лазарь не только заведовал церковью, но и жил в ней — в трейлере, стоящем за алтарем космограмы двадцатиметровой высоты, который когда-то служил проекционным экраном кинотеатра. Где еще профессиональному проповеднику найти уединение и столько свободного пространства?

Лазарь сидел в одиночестве за столом крохотного кабинета в носовой части трейлера и подсчитывал дневную выручку под гул компрессора, поддерживавшего в надутом состоянии разноцветный пластиковый купол триста метров в диаметре и двести метров в высоту.

Святой отец хмурился. Сделка с группой куликов, поставивших музыку для богослужений, была заключена на процентной основе, однако от него требовалось гарантировать присутствие не меньше тысячи прихожан, а посещаемость по мере затухания новизны церкви падала. Сегодня явились всего семьсот человек. Когда люди после службы возвращались на автостраду, даже пробки не возникло.

Еще больше Лазаря тревожило то, что впервые за девять месяцев после открытия церкви дневной сбор состоял больше из расписок, чем из наличных денег. Наличных денег в обращении оставалось мало — по крайней мере, на этом континенте. Исключение составляли зоны платных лиценцев, где людям платили федеральные пособия за отказ от пользования наиболее дорогими игрушками двадцать первого века. Однако активирование соединения с федеральным кредитным вычислительным центром в воскресенье, день дежурного отключения системы, грозило серьезным штрафом, превышавшим финансовые возможности большинства церквей. Его церковь не была исключением. Поэтому паства обычно не забывала при-

носить с собой монеты или банкноты либо книжечку расписок-ваучеров, выданную в день регистрации.

Проблема с расписками состояла — как он знал из прежнего опыта — в том, что после предъявления их на следующий день в банке не меньше половины вернут назад со штампом «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНО». Чем выше сумма залога, тем чаще это случалось. Некоторые из расписок принесли люди, настолько глубоко увязшие в беспросветных долгах, что компьютеры запретили им тратить средства на что-либо еще кроме самого необходимого. Любой новый культ неизбежно привлекал толпы пострадавших от шока наступившего будущего. Другие расписки еще до утра отзывались из-за семейных неурядиц: «Сколько-сколько ты обязался внести? О господи! За что мне такое наказание?! Немедленно отмени!»

И все-таки кое-кто из прихожан по недалекости проявлял щедрость. На столе лежала стопка из пятидесяти медных долларов, за которые любая фирма электроники даст три сотни — добываемые на астероидах руды содержали в основном металлы низкой проводимости. Деньги запрещалось сдавать в металлолом, но все это делали и потом говорили, что нашли старый сотейник на чердаке бэушного дома или откопали во дворе остатки старого кабеля.

На досках объявлений «Дельфи» высокой популярностью пользовалось предсказание, что доллары очередной эмиссии будут сделаны из пластика сроком годности один-два года. Ну и plus ça только карманная мелочь, plus c'est биоразлагаемая...

Лазарь ссыпал доллары в плавильную печь, не пересчитывая — платили по весу слитка, и занялся еще одним делом, которое требовалось закончить до наступления утра, — анализом формуляров «Дельфи», заполненных паствой. Их было намного меньше, чем в апреле. В то время он рассчитывал получать тысячу четыреста или полторы тысячи штук в сутки. Сегодняшний надой не составлял и половины. Но даже семьсот с лишним мнений давали куда более широкий разброс, не шедший ни в какое сравнение с индивидуальным анкетированием, особенно в пе-

риоды, когда население переживало жестокую депрессию или какой-нибудь еще кризис образа жизни.

Вся без исключения паства Лазаря не вылезала из бесконечного кризиса образа жизни.

Опросник представлял собой набор смелых утверждений, каждое из них кратко формулировало какую-нибудь личную проблему, после чего следовали пропуски, куда уплатившие взносы члены церкви могли вписать предлагаемое решение. Сегодняшний формуляр состоял из девяти пунктов — жалкого отголоска славных весенних дней, когда вопросы переползали аж на вторую страницу. Видимо, кто-то распустил слух: «В последний раз нам предложили дельфировать всего девять пунктов. А значит, в следующее воскресенье...»

*Что является антонимом выражения «снежный ком»?
Тающий ком?*

Лазарь решил выполнить привычную процедуру, невзирая на крах прежних радужных надежд. Он был обязан это сделать ради себя самого, постоянных прихожан и всех тех, чей душераздирающий крик души он сегодня подслушал.

На пункт А можно не обращать внимания. Лазарь вставил его как сладкую замануху. Ничто не сравнится со скандалом, способным попасть в медиа и завладеть вниманием публики. Приманка была подброшена в слабой надежде на то, что однажды люди заметят сообщение в выпуске новостей и смогут сказать: «Эй, это та самая история, когда одного штыря застрелили за приставания к собственной дочери. Помнишь, как мы прорабатывали ее на компе в церкви?»

Какое-никакое напоминание о прошлом, связывающее его с настоящим.

Лазарь с кривой улыбкой повторил про себя вопрос собственного сочинения: *Я девочка, мне четырнадцать лет. Мой отец все время пьян и хочет мне присунуть, но тратит на выпивку столько кредита, что мне не хватило на штраф, когда я пошла погулять, и у меня конфисковали мой...*

Ответы были тоскливо предсказуемы. Девочке следует обратиться в суд, чтобы ее признали совершеннолетней,

она должна все рассказать матери или донести на отца анонимно, чтобы его кредит заблокировали, пусть сбежит из дома и живет в общежитии для малолеток, и так далее и тому подобное.

— Господи! — воскликнул Лазарь в пространство. — Будь мне позволено самому программировать компьютер исповедальной кабины, люди получали бы куда лучшие советы!

Новый проект шел совершенно не так, как он ожидал.

Следующий пункт подразумевал настоящую трагедию.

Как можно помочь еще молодой женщине лет тридцати с лишним, инженеру-электронщику с дипломом, работавшей на орбите по шестимесячному контракту, слишком поздно обнаружившей у себя остеокалколиз — потерю кальция и других минералов в костях в условиях полной невесомости, и вынужденной оставить работу, а теперь рискующей получить перелом, стоило ей хотя бы споткнуться? Права на подачу апелляции она не имела, гильдия присвоила ей статус нарушителя контракта. Женщина не могла предъявить иск с требованием выплаты компенсации, потому как без работы не имела средств на адвоката, а на работу без разрешения гильдии ее не принимали. Она... Короче, замкнутый круг.

В нашем дивном новом мире много дивных новых пакостей.

Со вздохом святой отец аккуратно сложил формуляры в стопку и сунул их под линзу сканера настольного компьютера для обработки и вынесения вердикта. Такое маленькое количество формуляров не оправдывало аренду времени в госсети. К урчанию компрессора добавилось шурх-шурх пластмассовых захватов устройства для сортировки бумаг.

Приобретенный в секунд-хенде компьютер сильно устарел, однако еще работал. Если не испустит дух ночью, робкие подростки, озабоченные родители и вполне здоровые, но неизвестно почему несчастные студенты и отчаявшиеся стареющие дамочки явятся за своей порцией духовного утешения, чтобы уйти, сжимая в кулачке бумажную соломинку — сертификат, пахнущий доброй старой абсолютной

властью, с заголовком, отпечатанным фальшивым золотым тиснением, гласящим, что вы держите в руках подлинную законную рекомендацию «Дельфи», основанную на мнении не менее чем _____* консультантов (___* вписать номер, документ недействителен, если общая сумма составила менее 99___) и выданную под присягой/согласно показаниям, данным в присутствии совершеннолетнего свидетеля/под нотариальную заверку печатью** (___** вычеркнуть ненужное) _____ (числа) _____ (месяца) 20__ (года).

Дрянная мелкая подделка напоминала о крахе надежд Лазаря на превращение церковного прихода в отдельный ручной пул для сертифицированных опросов и на завоевание точки опоры, с которой можно было сдвинуть Землю. Теперь-то он понимал, что выбрал неверный подход, но воспоминания о переезде в Огайо все равно отзывались в душе щемящей болью.

По крайней мере, его потуги хотя бы спасли несколько человек от наркотиков, суицида и убийств. Даже если от сертификата «Дельфи» не было другого проку, бумажка напоминала подсознанию: *все-таки я чего-то стою, ведь тут прямо указано, что о моих проблемах размышляли сотни других людей!*

К тому же безадресные советы коллективного разума помогли Лазарю сделать несколько успешных ставок на общественных досках объявлений.

Дневная норма была выполнена. Однако, перейдя в жилой отсек трейлера, святой отец не почувствовал солидности. Лазарь прикинул, не вызвать ли кого-нибудь на фехтовальный поединок, но тут же вспомнил, что его регулярные партнеры по игре недавно переехали в другое место, а звонить в государственный комитет фехтовальщиков Огайо и просить выделить новых после одиннадцати часов вечера не имело смысла.

Поэтому скатанный в трубку экран для фехтования, световое перо и счетчик очков остались в тубусе. Хватит и обычного тривизора.

В приливе неожиданной щедрости один из первых регулярных членов его церкви сделал чудовишно дорогой пода-